

ВІВЛІОТНЕСА ІГНАТІАНА
Богословие, Духовность, Наука

Хавьер Субири

ЧУВСТВУЮЩИЙ
ИНТЕЛЛЕКТ

Часть II: Интеллект и логос

Фонд Хавьера Субири

Институт философии РАН

Институт философии, теологии и истории св. Фомы

Bibliotheca Ignatiana. Богословие, Духовность, Наука

Хавьер Субири

**Чувствующий интеллект.
Часть II: Интеллект и логос**

«ИНСТИТУТ СВЯТОГО ФОМЫ»

2008

Субири Х.

Чувствующий интеллект. Часть II: Интеллект и логос
/ Х. Субири — «ИНСТИТУТ СВЯТОГО ФОМЫ»,
2008 — (Bibliotheca Ignatiana. Богословие, Духовность, Наука)

«Интеллект и логос» – вторая часть трилогии испанского философа Хавьера Субири «Чувствующий интеллект». Со времен Парменида философия пыталась разрешить проблему отношения между интеллектом и реальностью в пункте, составляющем главную тему этого тома: в «логосе», классическим выражением которого является «суждение». Субири решительно противостоит этой традиции, ведущей, по его мнению, к формально-логицистскому пониманию того, каким образом человек постигает реальность. Сам Субири отстаивает первенство чувствующего постижения перед логосом. Как было показано в первом томе трилогии (Х. Субири, Интеллект и реальность. Изд-во ИФТИ, 2006), первичное постижение реального актуализирует вещи, поскольку они «реальны». Логос же представляет собой последующий («позднейший») модус постижения, позволяющий выразить то, чем эти реальные вещи являются «в реальности». Развитию этой центральной идеи посвящена вторая часть трилогии.

© Субири Х., 2008
© «ИНСТИТУТ СВЯТОГО
ФОМЫ», 2008

Содержание

Глава первая	6
Раздел первый	10
Глава вторая	11
§ 1. Общие характеристики поля реальных вещей	11
§ 2. Строгое понятие поля	12
§ 3. Структура поля реальности	16
Глава третья	21
§ 1. Полевое постижение как таковое	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Хавьер Субири
Чувствующий интеллект.
Часть II: Интеллект и логос

© Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2008.

© Fundacion Xavier Zubiri (Madrid). Труды и переводы трудов Хавьера Субири.

© Г.В. Вдовина, перевод, 2008.

Глава первая

Введение

В первой части этой книги мы исследовали, что такое постижение и каков первичный и радикальный модус постижения. Эта проблема в трилогии «Чувствующий интеллект» была сформулирована в заглавии первой части: «Интеллект и реальность». Но постижение принимает также два *познейших модуса*. Эта тема будет рассмотрена во второй и третьей частях книги.

Приступая к нашему исследованию, будет не лишним напомнить некоторые важные идеи, которые уже были изложены в первой части и, как я надеюсь, помогут правильно понять часть вторую.

Прежде всего, постижение не есть акт сознания, не есть акт осознания, потому что для того, чтобы нечто могло быть осознано, оно должно быть уже предъявлено в постижении. Такой акт восприятия чего-либо, акт предъявления и есть то, что мы назвали *схватыванием*. Акт схватывания есть радикальный акт постижения.

Что представляет собою это схватывание? Любое постижение есть акт схватывания, но не любой акт схватывания есть постижение. Чувственное восприятие – тоже схватывание. Эти два вида схватывания могут относиться к одному и тому же объекту – например, к цветку, камню, и т. д. Поэтому самый прямой путь к пониманию того, что же такое умное схватывание, состоит в исследовании модусов схватывания термина, общего обоим его видам.

В восприятии этого общего термина – например, цвета – схватывание обладает собственной радикальной характеристикой: характеристикой чувствующего схватывания. Чувствующее схватывание – это схватывание во впечатлении. Впечатление – не только аффекция того, кто схватывает: в этой аффекции впечатление предъявляет нам нечто иное, нежели сам схватывающий и его аффекция. В этом ином присутствуют три конститутивных момента: *содержание*, *модус бытия в качестве иного* (то, что я назвал формальностью инаковости) и *сила воздействия*. Для нашей проблемы самое существенное состоит в моменте формальности. Схваченное пребывает в схватывании сообразно своей формальности: я назвал это *актуальностью*. Актуальность – это не предъявленность, а *пребывание* в предъявленности. Поэтому она составляет физический момент схваченного.

Так вот, эта актуальность, это пребывание, или бытие предъявленным, может иметь два модуса. Актуальность может быть предъявленной просто как знак ответной реакции: такую актуальность я назвал актуальностью по типу раздражимости. Это – *формальность раздражимости*. Так, свойства схваченного – например, его световая или звуковая интенсивность – являются определяющими моментами ответной реакции. Схваченное, как таковое, обладает актуальностью, но только как частью самой ответной реакции. Таково *чистое ощущение у животных*.

Но есть и другие схватывания: в них свойства почувствованного во впечатлении суть свойства, которые формально схватываются как принадлежащие схваченному *в собственном смысле*. Интенсивность цвета или звука есть момент, схваченный как собственная характеристика цвета или звука. Я назвал это *формальностью реальности*. Реальность есть модус бытия «в собственном смысле», *внутри* самого схватывания. «В собственном смысле» означает, что этот модус принадлежит схваченному, то есть предшествует самому схватыванию (*prius*). Так как модус пребывания в схватывании есть модус пребывания во впечатлении, оказывается, что схватывание есть акт *впечатления реальности*. При схватывании его содержание актуализируется во впечатлении, но вне всякой связи с ответной реакцией. Я назвал это *чистой актуальностью*: схваченное предъявлено, и только предъявлено. Так вот, эти три момента (впечатле-

ние, «в собственном смысле», чистая актуальность) вместе составляют то, что я называю *быть самим по себе*. Это и есть формальность реальности: модус инаковости, который заключается в «самом по себе». Речь идет о реальности не в смысле чего-то, что находится «вне» впечатления, а в смысле формальности, присутствующей «в» самом схватывании. Как таковая, эта формальность составляет физический момент схваченного.

Такое схватывание чего-либо в формальности реальности есть именно *чувствующее умопостижение*, или, если угодно, *умное чувствование*. Схватывать реальное как реальное: в этом и состоит формальный характер постижения. Быть впечатлением – формальное свойство чувствования. Поэтому впечатление реальности представляет собой единый акт, конституированный двумя моментами: впечатлением (чувствованием) и реальностью (постижением). Такое схватывание тоже будет чувствованием, но не чистым ощущением, как у животных, а чувствованием умным: чувствованием, в котором реальность чувствуется как реальность. Человек обладает этим человеческим чувствованием, которого нет у животного, и вдобавок, применительно к некоторым зонам реальности, обладает чистым ощущением по типу раздражимости, то есть животным чувствованием. Животное чувствование, несомненно, есть чувствование, «принадлежащее человеку», но не «человеческое» чувствование. В человеческом чувствовании чувствование уже есть модус постижения, а постижение уже есть модус чувствования реальности. Стало быть, чувствование и постижение – не два акта, будь они последовательными, совпадающими или частичными, а два структурных момента одного и того же акта. Эта единая структура представляет собой *чувствующий интеллект*: формальное структурное единство, чей единственный акт есть чистая актуализация реального во впечатлении.

Поскольку формальность реальности в собственном смысле принадлежит схваченному, у нее обнаруживаются две стороны: одна обращена к самому схваченному, другая – к чувствующему интеллекту. Благодаря первому аспекту мы погружаемся и проникаем в само реальное; благодаря второму аспекту, наоборот, погружаемся в само постижение. Второй аспект для нас теперь особенно важен, хотя эти две стороны не существуют и не могут существовать независимо друг от друга.

Формальность реальности, именно как реальности, открыта, не замкнута: одно и то же впечатление реальности вмещает в себя самые разные содержания. Эта открытость есть трансцендентальность, которая представляет собой не предельно универсальное понятие, а физическую общность реальности, и поэтому – момент общения. В силу этой открытости любая вещь «сама по себе» реальна только в соответствии другим вещам: любая реальная вещь открывает, исходя из себя самой, *поле реальности*. Речь идет не о внешнем отношении между вещами, а о формально конститутивном моменте открытости каждой реальной вещи, поскольку она реальна. Стало быть, каждая реальная вещь включает в себе два момента: первый – момент, так сказать, индивидуальный: ее собственную инаковость; второй – момент открывания поля, полевой момент. Таковы два момента единой реальности: все реальное реально в своей индивидуальности и в поле, и всегда схватывается в этих двух моментах.

Итак, вот что такое постижение: это чистая актуализация реального в чувствующем постижении.

Постижению присущи разные модусы, то есть разные способы его актуализации, как постижения, в чувствующем интеллекте. Эти модусы, как было сказано в первой части книги, определяются соответственным характером самой реальности, модусами ее актуализации.

Прежде всего, имеется первичный и радикальный модус: то, что я назвал *первичным схватыванием реальности*. Эта первичность заключается в двух чертах. Прежде всего, все схваченное актуализируется прямо, непосредственно и унитарно (несмотря на возможную сложность его содержания – например, когда речь идет о некоем ландшафте). Это означает схватывать реальное *в самом себе, как таковом*. Актуализированная таким образом реальность включает в себе два момента – индивидуальный и полевой; но они схватываются нераздельно, как

моменты самой реальной вещи. Я называю это *компактным* схватыванием реальности. Но первичному схватыванию присуща и вторая черта: в нем реальное не только компактно схватывается в себе самом, как таковом, но и схватывается «только» в себе самом, как таковом. Этим «только» определяется модальный характер первичного схватывания реальности.

Имеются, однако, и *позднейшие модализации* этого первичного схватывания. В самом деле, реальное может быть схвачено не только как нечто имеющее полевой характер, но и как нечто, что открывает поле и поэтому включено в него. В таком случае реальное схватывается не просто как полевое, но и *полевым способом* — как пребывающее внутри того поля, которое этим реальным было определено. Теперь полевой момент, который в первичном схватывании актуализировался компактно, вместе с индивидуальным моментом, как бы приобретает автономность перед лицом индивидуального момента. Отныне поле есть не просто компактный момент реальной вещи, а *область реальности*: область, дающая место многим реальным вещам. И тогда каждая реальная вещь должна постигаться в этой области не просто в самой себе, как таковой, но и в соответствии прочим реальностям поля: тогда мы постигаем не только то, что вещь *реальна*, но и то, что эта реальная вещь *есть в реальности*. Это «в реальности» представляет собой позднейшую модализацию постижения вещи как реальной.

Так вот, актуализация вещи (уже постигнутой как реальная) внутри области реальности других вещей и есть то постижение, которое мы называем *логосом*. Логос – это постижение того, чем реальная вещь является в реальности, то есть в соответствии другим реальным вещам. Логос есть модус чувствующего постижения. Мы называем его модусом постижения прежде всего потому, что он представляет собой чистую актуализацию реального в чувствующем интеллекте; и этот модус есть «ре-актуализация». Как таковой, логос является моментом интеллекта. Но реальная вещь реактуализируется в движении, которое *приводит ее* к другим вещам и совершается ради этих вещей: только таким образом реальная вещь пребывает реактуализированной. С точки зрения этого момента, логос есть движение впечатления, то есть момент чувствования. Именно в нем ре-актуализируется то, чем реальная вещь является в реальности. Отсюда следует, что логос – это чувствующее постижение: *чувствующий логос*. Чувствующий логос есть постижение в поле, модализация впечатления реальности. Постигнуть то, чем нечто является в реальности, означает восстановить единство индивидуального и полевого моментов реального.

Важно отметить, что речь идет не о процессе, а о структуре. Когда я постигаю то, чем нечто является в реальности, после того как постигну это нечто как реальное, то «после» вовсе не означает здесь, что я «принимаюсь постигать» то, что же эта вещь представляет собой в реальности. Интеллект не «принимается» доискиваться, чем нечто является в реальности, но *уже помещен* в это дело самой реальностью, единством ее индивидуального и полевого аспектов. Будучи схвачена как реальная, реальность сама определяет постижение самой себя «в» единстве индивидуального и полевого моментов. Это не акт, идущий от меня, а модус актуализации, идущий от самой реальности, поскольку она формально есть почувствованная реальность. Почувствованный характер реального: вот что с необходимостью определяет нашу озбоченность тем, что же та или иная вещь есть в реальности.

Разумеется, реальное соответствует не только другим реальным вещам *в поле*; оно соответствует «заодно» и другим реальным вещам *как реальным*, то есть как вещам в мире. Мир – это соответственное единство всего реального, поскольку оно реально. Однако о мире и его соответствии полю мы будем говорить в третьей части нашей книги. Эта, вторая, часть посвящена *чувствующему интеллекту как логосу* и называется: *Интеллект и логос*.

Наше исследование разбивается на три раздела:

Раздел первый. Постижение вещей в поле реальности.

Раздел второй. Формальная структура чувствующего логоса I: логос как движение, как динамичная структура.

Раздел третий. Формальная структура чувствующего логоса II: логос как постижение в среде.

Раздел первый

Постижение вещей в поле реальности

Чтобы исследовать постижение вещей в поле реальности, мы должны начать с концептуализации этого поля. Всякая реальная вещь заключает в своей формальности реальности два момента: момент индивидуальной реальности и момент реальности в поле. Поскольку дело обстоит именно так, поле есть измерение реальной вещи. Этот полевой момент можно рассматривать разными способами. Поле есть нечто детерминированное каждой реальной вещью, и эта детерминация имеет две стороны. Одна, наиболее очевидная, заключается в том, что поле определяется самой реальной вещью; другая – в том, что поле есть нечто определяемое каждой реальной вещью, что оно дает место всем почувствованным реальным вещам. В первом аспекте реальность есть нечто *открытое* в самой себе, во втором аспекте она есть нечто *объемлющее* все вещи: *область реальности*. Если сравнить поле со светом, то реальную вещь мы прежде всего уподобили бы источнику света: она *светоносна*, и это делает ее светящейся. Но одно дело – видеть, что вещь светится, и другое дело – видеть, что все прочие вещи, включая сам источник света, *освещены* тем светом, который испускает эта реальная вещь. Свет лампы, как таковой, есть мета, детерминированная этой светящейся вещью. Но если мы будем рассматривать свет как нечто такое, что освещает реальные вещи, тогда этот свет будет уже не просто метой всякой вещи, а областью, объемлющей все вещи, которые входят в освещенное пространство, включая сам источник света. Действительно, одно дело – видеть, как светоносная вещь испускает свет, и другое – видеть, как она освещает, как ее свет распространяется на все прочие вещи. В таком сравнении свет – это поле. Поскольку поле детерминировано каждой вещью, постольку, воспринимая вещь, я в первичном схватывании воспринимаю ее в моменте не только индивидуальной, но и полевой формальности: как со стороны ее светоносности, так и со стороны производимого ею освещения области реальности. Таково компактное единство обоих аспектов.

Если допустить, что это так, то мы, схватывая вещи в поле реальности, можем, в свою очередь, схватывать их двумя способами. Во-первых, как вещи, включенные в поле: таково постижение вещей как *полевых*. Но мы можем схватывать вещи и со стороны поля, в которое они включены: таково *полевое постижение* вещей. Схватывать вещь как принадлежащую к полю свойственно первичному схватыванию реальности. Схватывать вещь полевым способом свойственно логосу.

Исходя из этого, мы рассмотрим нашу проблему в два этапа:

- 1) Поле реальности.
- 2) Реальное, постигнутое полевым способом.

Таковы будут, соответственно, темы двух следующих глав.

Глава вторая

Поле реальности

Поле – это, в первую очередь и прежде всего, момент формальности реальности каждой реальной вещи. Поэтому восприятие поля совершается в первичном схватывании реальности. Поле не есть нечто чуждое логосу, но оно не составляет момент логоса первичным образом. Оно действительно есть момент логоса, но момент вторичный, то есть производный от непосредственного схватывания. Очень важно подчеркнуть этот пункт. Все, что мы могли бы сказать о поле, уже дано в первичном схватывании реальности всякой реальной вещи; поэтому нынешнее исследование надлежало бы включить в первую часть книги. Тем не менее, я решил отнести его ко второй части, потому что именно здесь поле выполняет свою важнейшую функцию.

Мы исследуем поле в три следующих этапа:

§ 1. Общие характеристики поля реальных вещей.

§ 2. Строгое понятие поля.

§ 3. Внутренняя структура самого поля.

§ 1. Общие характеристики поля реальных вещей

Для описания поля наш язык располагает, вообще говоря, только терминами, взятыми из области зрительного восприятия; поэтому может сложиться впечатление, будто поле – это исключительно зрительное поле. Но такое впечатление – лишь следствие ограниченности языка. Например, существуют и такие вещи, как музыка, звучащая фоном, или затоптанные следы на земле, и т. д.; существует поле перемещения как вещей, так и моего собственного тела. Итак, если взять проблему во всей ее широте, скажем, что поле – это единство всех вещей, поскольку все они *пребывают* в нем, и поскольку поле их *объемлет*. Даже если мы используем визуальный язык, обозначаемое им гораздо шире, чем визуальное. Итак, речь идет о поле как области реальности.

Поле обладает весьма развитой внутренней структурой. Прежде всего, в нем имеется одна или несколько прямо схватываемых вещей: они составляют *первый план* поля. Если этот первый план сводится до одной-единственной вещи, такая вещь принимает характер *центра* поля. По отношению к этому первому плану остальные вещи образуют сферу доминирования *всего прочего*. И эти прочие вещи определенным образом соотносятся с первым планом. Во-первых, некоторые из них составляют *фон*, на котором схватываются вещи первого плана. Это измерение называется *выделением*: вещи первого плана выделяются на фоне прочих. Во-вторых, есть и другие вещи, которые не составляют даже фона, а просто суть нечто такое, что находится на *периферии* поля. Благодаря этому прочие вещи поля принимают измерение *близости* или удаленности. Строго говоря, периферия представляет собой не линию, а изменчивую зону. По мере распространения периферийных вещей вширь они удаляются все более, пока постепенно не затеряются из виду. Поэтому периферия – это зона неопределенного: либо в силу того, что она не определена в себе самой, либо в силу того, что, даже будучи определенной, она может остаться незамеченной для меня. Первый план, фон и периферия: таково, если можно так выразиться, тройное измерение поля. Разумеется, эти структуры не являются фиксированными. Например, я могу изменить первый план, и в результате будут автоматически изменяться фон и периферия.

Поле конституировано таким образом, что его двери, если позволительно так сказать, открываются вовнутрь. Потому что поле в целом, в трех его зонах – первого плана, фона и периферии, – окружено линией, определяющей то, что позитивно охватывается полем. Эта

линия есть не что иное, как *горизонт*. Горизонт – не просто внешняя описывающая линия, но внутренний момент самого поля. Конечно, она не является одной из схваченных вещей, но, несомненно, принадлежит этим вещам постольку, поскольку они охвачены моим восприятием. Эта линия имеет два аспекта. Один из них определяет вещи, образующие поле как целое, вкуче с его собственной характеристикой: всякое поле обладает той разновидностью общей характеристики, которую мы называем – применяя зрительную терминологию – *панорамой*. Внутренняя принадлежность горизонта к полю делает поле панорамой. Способ восприятия этой панорамы есть *син-опсис*¹. Расположение вещей внутри этой синоптической панорамы есть *син-таксис*². Синописис и синтаксис составляют две стороны панорамного единства схватывания.

Но у горизонта есть и другой аспект. Горизонт маркирует то, что остается вне поля. Это уже не «прочие» вещи, но чистое «вне». Им могут быть другие вещи, лежащие вне поля, а может быть и нечто внеположное любой вещи: «вне-определенное». Нужно самым решительным образом настаивать на том, что вовсе не одно и то же – «неопределенное» [indefinido] и «вне-определенное» [no-definido]. Неопределенность уже есть некий вид определения; «вне-определенное» не определено даже так, как определено неопределенное. Это различие существенно важно. Вещи вне поля пребывают вне определения.

Разумеется – я уже на это указывал, – такая структура поля не является фиксированной; она изменчива. То измерение, сообразно которому поле подвержено изменениям, мы называем *амплитудой* поля. Амплитуда может изменяться как в сторону расширения, так и в сторону сжатия. Я имею в виду не только количество вещей, охватываемых полем, но и сам модус их полевого единства. Это изменение зависит не только от меня, но и от вещей. Новые вещи прежде всего модифицируют горизонт: происходит *смещение* горизонта. Но, помимо этого, любая новая вещь, которая вводится в поле, выходит из него или передвигается внутри него, производит изменения на первом плане, в фоне и на периферии: происходит более глубокая *реорганизация* поля. Смещение горизонта и внутренняя реорганизация: вот два аспекта изменчивости поля. Не всегда они независимы друг от друга. Но мы не можем входить в подробное рассмотрение ни этой, ни других проблем поля, потому что это увело бы нас от главного вопроса. Сказанного достаточно.

Теперь попытаемся более или менее строго помыслить, что же представляет собой это поле.

§ 2. Строгое понятие поля

Рассмотрим этот вопрос в несколько этапов.

1) Прежде всего, перед нами встает одна фундаментальная проблема. Конституирование поля как панорамы, в двух ее аспектах – как синописиса в схватывании и как синтаксиса расположений – может создать впечатление, будто поле всегда есть нечто внешнее по отношению к вещам. Но это, как мы увидим, вовсе не так. Вне реальных вещей поле – ничто: я буду повторять это бесчисленное число раз. Даже когда при описании поля мы говорим о том, что остается «вне» горизонта, это «вне» принадлежит самим вещам в поле. Без них было бы бессмысленным говорить о том, что лежит «вне» этих вещей. Стало быть, поле есть нечто заключенное в самих вещах. Мы тотчас это увидим.

Поле, о котором мы ведем речь, может быть ближайшим образом описано сообразно его содержанию, то есть тем вещам, которые в нем находятся: это могут быть камни, деревья, море, и т. д. Но поле может и должно быть описано также сообразно его собственному единству. Со стороны вещей, содержащихся в поле, это единство образует то, что можно назвать *перцептив-*

¹ συν-όψις (греч.): со-видение. – Прим. пер.

² συν-τάξις (греч.): со-упорядоченность. – Прим. пер.

ным полем. Но такое название, как мы вскоре увидим, очень условно. Очевидно, что в таком смысле поле не затрагивает самих вещей. Будут ли они ближними или дальними, находятся ли они в центре или на периферии моего восприятия, – все это не имеет отношения – по крайней мере, формально – к самим вещам, но касается только моего перцептивного акта, охватывающего их все в едином поле. В данном случае характеристика поля конституируется только моим перцептивным актом; и тогда поле оказывается чем-то внешним для самих вещей. Конечно, сами вещи не вполне чужды своему положению в поле: например, их размеры связаны с их положением в поле. И все же: вещи, которые охватываются перцептивным актом как нечто единое, являются вещами в силу их специфического содержания.

Тем не менее, эти же самые вещи могут и должны описываться не только в своем содержании, но и в своей формальности: как вещи, формально реальные в схватывании. Поэтому необходимо говорить о *поле реальности*. То, что мы – весьма условно, как я отметил – назвали перцептивным полем, есть не что иное, как схваченное содержание поля реальности. В строгом смысле следовало бы говорить только о поле реальных вещей. В отличие от того, что мы до сих пор называли перцептивным полем, поле реальности в самом себе, как таковом, открыто: в самом себе, как таковом, оно не имеет ограничений. Если же, наоборот, описывать его с точки зрения содержания вещей, то поле замкнуто вещами, которые его конституируют и ограничивают. Чисто перцептивное поле являет панораму вещей; поле реальности являет панораму реальностей. Предположим, например, что в данном перцептивном поле имеется погашенная лампада, и что эта лампада внезапно вспыхивает. С точки зрения содержания, то есть со стороны того, что мы назвали перцептивным полем, перед нами – нечто новое: новый огонек на лугу или в горах. Но с точки зрения поля реальности перед нами – реальная вещь, приходящая из области, которая внеположна прежде воспринятой реальности. И приходит она не только на луг или в горы, но и в *реальность* моего поля: она есть нечто новое *в реальности*. В результате происходит смещение горизонта реальности, хотя не происходит смещения горизонта зримых вещей. С вхождением света в чисто перцептивное поле это поле обогащается путем прибавления: прибавилась еще одна вещь к тем, которые содержались в нем раньше. Но с точки зрения реальности здесь не произошло прибавления в собственном смысле: просто характеристика поля реальности приютила, если можно так выразиться, некую реальную вещь, которой раньше в ней не было. Поэтому такое расширение поля реальности представляет собой, в собственном смысле, не «прибавление», а скорее «раздвигание»: то, чем конституируется формальность новой вещи, есть численно тот же самый характер реальности, которым конституировались и прочие реальные вещи в поле. Реальное как «вещь» отныне стало другим; но эта вещь как «реальная», то есть ее формальность реальности, физически и соответственно осталась той же самой по числу. Таким образом, здесь произошло вот что: поле реальности раздвинулось, чтобы дать место новой вещи. Стало быть, расширение или сокращение поля реальности, то есть вариации поля реальных вещей, схваченных в восприятии как реальные, совершается не путем прибавления, а путем раздвижения. Поэтому, в отличие от перцептивного поля (в смысле вещи, содержащейся в поле), которое внеположно вещам, поле реальности есть нечто внутреннее для них: оно мне дано во впечатлении реальности. Как мы видели, эта реальность формально и конститутивно открыта; и эта открытость принадлежит впечатлению реальности как таковому, то есть принадлежит модусам предъявления реального. Среди них есть один, именуемый модусом обращенности «к». В этой обращенности «к» для меня сейчас важно то, что в данном случае остальные реальности, как уже было сказано, являются всеми теми реальными вещами, *соответственно* которым каждая из них есть то, что она есть. Так вот, этот соответственный характер формально есть то, чем конституируется момент пребывания каждой реальной вещи в поле. Стало быть, поле определяется каждой реальной вещью, исходя из нее самой; отсюда следует, что каждая реальная вещь внутренне и формально есть вещь в поле. Даже если бы существовала лишь одна-единственная вещь, она все равно «сама по себе»

была бы полевой. Иначе говоря, всякая реальная вещь, помимо того, что мы могли бы приблизительно назвать индивидуальным соответствием, формально и конститутивно обладает полевым соответствием. Стало быть, всякой реальной вещи присущи два момента: индивидуальной и полевой вешности. Только потому, что каждая реальная вещь внутренне и формально является полевой, – только поэтому поле может быть конституировано многими вещами.

Если выразить одним словом характер поля, который мы только что описали, то можно сказать, что поле «выбухает» из реальной вещи в той самой мере, в какой эта вещь есть открытость «к» другим вещам. Полевой момент – это момент избыточности каждой реальной вещи. Так как этот момент, в свою очередь, сам конституирует реальную вещь, оказывается, что поле одновременно, «заодно», является избытком и конституентой: «конституирующим избытком». Что же тогда, говоря более конкретно, представляет собой этот полевой момент реального – другими словами, эта избыточность?

2. Мы сказали, что поле есть «нечто большее», чем каждая реальная вещь, и, следовательно, нечто большее, чем простое прибавление вещей. Поле – это единство, присущее всем реальным вещам: единство, выбухающее из того, чем каждая вещь является, так сказать, индивидуально. Поскольку вещь и поле имеют, как мы видели в первой части книги, циклический характер, то есть каждая реальная вещь есть «вещь-поле», такая избыточность может рассматриваться с двух сторон: со стороны поля как определенного реальными вещами и со стороны реальных вещей как включенных в поле.

А) Если рассматривать полевою избыточность со стороны реальных вещей, она есть модус того, что мы назвали в первой части книги трансцендентальностью. Трансцендентальность – это момент впечатления реальности: тот момент, сообразно которому реальность открыта как тому, что реально представляет собой каждая вещь, то есть ее «своести», так и тому, что есть эта вещь как момент мира. В обобщающей формулировке, трансцендентальность— это «открытость для своести в мире». А поскольку такая открытость конститутивна для впечатления реальности, как такового, постольку оказывается, что благодаря ей каждая реальная вещь, именно как реальная, есть нечто большее, нежели вещь зеленая, звучащая, тяжелая, и т. д. Несомненно, всякая реальная вещь в самой себе, как таковой, есть она сама, и только она сама; но, будучи реальной, она есть нечто большее, чем она же, взятая с чисто содержательной стороны. Это и будет трансцендентальной избыточностью. Она свойственна любой реальной вещи в самой себе, как таковой. Но когда в одном и том же впечатлении реальности схватывается много реальных вещей, тогда трансцендентальность становится тем, что позволяет этим вещам образовать над-индивидуальное единство, а именно, единство в поле. Формально поле не тождественно трансцендентальности, но представляет собою модус (не единственный) чувствования трансцендентальности. Соответственный характер множества почувствованных вещей обращается, в силу трансцендентальности, в полевое соответствие. Трансцендентальность есть то, чем конституируется в чувствовании поле реальности: это сама чувствующая конституция поля реальности. Выбухающее из реальных вещей, поле представляет собой их трансцендентальное соответствие. В силу этого поле есть момент физический.

В) Но те же самые вещи надлежит рассматривать также со стороны поля. В этом смысле поле есть нечто большее, чем реальные вещи, потому что оно их «объемлет». Схватывая формальность реальности, мы схватываем ее как нечто такое, что, несомненно, присутствует в вещи, и только в ней, но при этом избыточно по отношению к ней. Благодаря этому формальность принимает на себя в некотором смысле автономную функцию. Она представляет собой не только формальность всякой реальной вещи, но и то, «в чем» все вещи будут схватываться как реальные. Это – формальность реальности как *область реальности*. Поле избыточно не только в качестве трансцендентальности, но и в качестве области реальности. Речь идет о той

же самой структуре, только теперь не поле рассматривается со стороны вещей, а, наоборот, вещи рассматриваются со стороны поля.

Область – такая же физическая характеристика поля реальности, как и трансцендентальности: это область самой реальной вещи.

Область – не материальная *оболочка*, не что-то наподобие атмосферы, обволакивающей реальные вещи. Я особенно настаиваю на том, что область – это не пространство. Прежде всего, потому, что пространство не представляет собой ничего радикального в вещах, но само определяется этим радикальным: протяженностью. Вещи протяженны, и только поэтому имеется пространство. Протяженность – это не пространство: ни абсолютное, ни относительное. Но область – это даже не протяженность. Что такое протяженность и что такое пространство, можно понять, только исходя из области, а не наоборот: как если бы область была либо пространством, либо протяженностью. Область – это скорее нечто вроде *среды*, которую порождают вещи. Поэтому она не есть нечто внешнее по отношению к ним. Среда является средой «в» самих вещах, подобно тому как трансцендентальности является трансцендентальностью «в» вещах. Но, тем не менее, вещи и область реальности формально не тождественны друг другу. Область есть область «в» вещах. Это их физическая характеристика: она состоит, прежде всего, в том, чтобы быть средой реальных вещей. Среда – не атмосфера, окружающая вещи, а то, что определяется самими вещами. Это их ответственность, понятая как область. По этой же причине среда не является *вакуумом реальности*. Это означало бы выйти за пределы самих реальных вещей, что невозможно. Область – это область самой формальности реальности, которая полностью физична. Давать место – это именно физический момент формальности реальности. Речь идет о соответствии как о том, чем конституируется поле.

В итоге полю реальности присущи две фундаментальные характеристики, в которых выражается его избыточность по отношению к реальным вещам: поле есть нечто «большее», чем каждая реальная вещь, но большее – «в» самих этих вещах. В самом деле, поле – это само соответствие реального, как данного во впечатлении реальности. И это соответствие есть «заодно» трансцендентальность и область. Таковы эти две характеристики, наделяющие соответствие всей полнотой своего содержания. Будучи трансцендентальностью, это соответствие, которым конституируется реальное, как бы ведет каждую реальную вещь от нее самой к другим реальностям; будучи областью, оно выступает как среда, дающая место каждой реальной вещи. Область и трансцендентальность – лишь две стороны одной и той же характеристики: полевой характеристики почувствованного реального. Эта характеристика есть то, что мы, обобщая, будем называть *трансцендентальной областью*. Итак, формальность реального имеет два аспекта. С одной стороны, формальность каждой вещи в самой себе, как таковой, есть то, что можно было бы весьма приблизительно назвать индивидуальной формальностью. Но, с другой стороны, эта формальность избыточна по отношению к вещи, то есть представляет собой полевую формальность. Именно этот ее полевой характер и составляет трансцендентальную область.

Забегая вперед, скажу, что с точки зрения того момента, который я назвал индивидуальным, постигать реальную вещь означает мыслить ее реальной: «Эта вещь реальна». А с точки зрения того момента, который я назвал полевым, постижение реальной вещи означает, что реальность мыслится как вот эта реальная вещь: «Реальность есть эта вещь». Это не два разных измерения, а два момента одного и того же схватывания. Но в качестве моментов они различны.

Трансцендентальная область: вот общая, можно сказать, глобальная характеристика того, что мы назвали полем реальности. Но следует сделать еще один шаг вперед. В самом деле, необходимо спросить себя, какова внутренняя структура поля реальности, трансцендентальной области реальности. Этот вопрос – тема следующего параграфа.

§ 3. Структура поля реальности

Будучи трансцендентальной областью, поле реальности способно заключать в себе множество реальных вещей. Но оно заключает их не в какой угодно форме, не просто как множество. Наоборот, это множество обладает совершенно определенными структурными характеристиками. Они образуют саму структуру поля реальности. Эта структура, как будет показано, дана в первичном схватывании реальности.

1. Одни вещи «среди» других

Чтобы выявить структуры поля реальности, будем исходить из того факта, что реальность в том виде, в каком она дана нам во впечатлении, имеет разные формы. Одна из них – форма обращенности «к», согласно которой реальность неизбежно ведет нас к другим реальностям. Я говорю не о дедукции или о чем-то ей подобном, и не о продвижении к реальности, а о схватывании самой реальности в модусе обращенности «к», в модусе направленности как моменте самой реальности. Эта обращенность «к» – не просто модус предъяснения реальности, но, подобно всем прочим модусам, представляет собой трансцендентально открытый модус предъяснения. Это означает, что всякая вещь, *будучи реальной*, сама по себе принадлежит к полю: всякая реальная вещь конституирует форму реальности, обращенную «к» другой реальности. Разумеется, обращенность «к» формально есть форма реальности; однако, будучи взята в ее трансцендентальной открытости (свойственной впечатлению реальности), она формально принадлежит полю. А поскольку это впечатление численно тождественно во всех реальных вещах, схваченных во впечатлении, постольку в поле, детерминированном реальностью *каждой* вещи, пребывают также все остальные вещи. Таков структурный и формальный момент поля: оно определяет реальность каждой вещи как реальность «среди» других вещей. Это «среди» опирается на полевую характеристику, а не наоборот: не поле существует потому, что существуют одни вещи среди других, но, напротив, одни вещи пребывают среди других только потому, что все они и каждая из них пребывает в поле. Поле же существует, в точном и формальном смысле, именно потому, что реальность каждой вещи формально имеет полевой характер. «Среди» – не просто конгломерат, и не просто связь одних вещей с другими, но совершенно определенная структура: структура актуализации одной вещи среди других. Конечно, «среди» представляет собой момент *актности* реального: одна реальная вещь, как вот эта реальная вещь, находится среди других. Но, помимо этого, «среди» обладает также характеристикой *актуальности*: вещи актуализируются «среди» других. Очевидно, что эти два аспекта «среди» не совпадают друг с другом: может быть множество вещей «среди» других, которые не предъяснены постижению в их актуальности. Для нас здесь важно это «среди», присущее актуальности. Это «среди» есть позитивная характеристика, свойственная всякой реальной вещи, поскольку она принадлежит к полю. Обращенность «к», присущая принадлежности к полю, есть прежде всего обращенность в «среди» – или, лучше сказать, есть «среди», которое позитивно обладает характеристикой обращенности «к» реальности. Если бы это было не так, «среди» было бы голой пустотой. Но это не пустота, а поле, потому что это – реальность в обращенности «к», открытая из каждой реальной вещи ко всем другим. И это так потому, что такая открытость, в свою очередь, определяется реальностью каждой вещи. Будучи определена реальностью каждой вещи, обращенность «к» есть реальная обращенность, есть реальность в обращенности. Это и есть поле как «среди». Вот почему вещи не только находятся среди других – так сказать, материально, то есть в актности, – но и занимают определенное *положение* соответственно друг другу, находятся среди других вещей по причине их актуальности. Поле как первый план, как периферия, как горизонт, есть именно структура позициональности, то есть сама струк-

тура «среди» как обращенности «к». Поле не просто *объемлет* вещи: еще до того, как оно их объемлет, вещи *включены* в него – все вместе и каждая среди других. Прежде чем обнимать вещи и для того, чтобы их обнимать, поле заключает вещи в себе. И это заключение имеет своим основанием полевой характер каждой реальной вещи, поскольку она реальна. Поэтому: 1) реальные вещи детерминируют поле; 2) поле детерминирует вхождение в себя реальных вещей; 3) поле объемлет то, что в него включено. Таков первый структурный момент поля: положенность в «среди». «Среди» этимологически означает то, что находится внутри и что определяется двумя вещами. Но возможность такого определения конституируется каждой из них, потому что каждая реальная вещь реальна в обращенности «к». Таким образом, «среди» есть момент трансцендентальной области.

Но это не единственный структурный момент поля. Потому что вещи не только *разнообразны*, но также *изменчивы*.

2. Одни вещи как «функция» других

Все вещи изменчивы в поле реальности. Прежде всего, они могут входить в поле и выходить из него, или менять свое положение среди других вещей. Но, кроме того, каждая мета – например, цвет, размер, и т. д., взятые в самих себе, как таковых, – есть некая вещь, которая может варьироваться и варьируется. Так вот, когда мы схватываем разнообразные вещи в поле, ни одна из них не схватывается, так сказать, монолитно, как если бы единство поля возникало в результате простого сложения. Наоборот, каждая вещь актуализируется наряду с другими, или после других, или помимо других, или на самой периферии поля, и т. д. Всякая реальная вещь актуализируется в поле не только «среди» других вещей, но и в зависимости от этих других вещей. Например, вещи свойственно иметь определенное положение «среди» других вещей; но это такое «среди», в котором каждая вещь занимает свое положение в зависимости от других, и это положение варьируется в зависимости от положения других вещей. Реальная вещь может исчезнуть из поля. Но это никогда не означает как бы испарения вещи, а только прекращение ее пребывания «среди» других вещей. Поэтому она всегда исчезает только по отношению к этим другим вещам. Единство полевого и индивидуального моментов есть вот это функциональное «среди». Оно и будет тем, что я называю *функциональностью реального*. Здесь функциональность берется в самом широком смысле, и значит, без намека на какой-либо один из самых разнообразных типов функциональности, какие только могут быть. То, что вещь имеет полевой характер, есть ее функциональная характеристика, взятая в чистой радикальности. И наоборот: для реальных вещей первичным будет не то, что они охватываются полем, а то, что каждая из них, как мы сказали, включена в поле: охватывание опирается на включенность. И этот модус включенности каждой реальной вещи в поле имеет внутренний и формальный характер *функциональности*.

Что представляет собой эта функциональность? Я уже говорил: это зависимость, в самом широком смысле слова. Функциональная зависимость может принимать разные формы. Назовем некоторые особенно важные из них. Например, одна реальная вещь может варьироваться в зависимости от другой реальной вещи, которая ей предшествовала: таков случай чистой последовательности. Последовательность – это тип функциональности. Собственное, характерное: так следует говорить не о вещи в последовательности, а скорее о вещи в сосуществовании: одна реальная вещь сосуществует с другой. Стало быть, сосуществование – это функциональность. С этой точки зрения, каждая реальная вещь в поле занимает определенное положение в силу полевой функции, свойственной ей в этом поле: она пребывает с другими вещами, находится на первом плане или на периферии, и т. д. Но есть и другие формы функциональности. Материальные реальные вещи имеют точечную конституцию. Каждая точка лежит «вне» остальных: она есть некое *ex* [из, вне]. Но это не просто нечто лежащее снаружи; это такое *ex*, которое пре-

бывает в конструктивном единстве относительно «чего-то» – а именно, относительно остальных точечных *ex*, принадлежащих этой вещи. Мы выражаем этот факт тем, что говорим: всякое *ex* есть «*ex-чего*». Поэтому каждая точка занимает некоторое необходимое положение по отношению к другим точкам в силу ее «*ex-чего*». Это свойство иметь положение в «*ex-чего*» я называю *протяженностью* [espaciosidad]; она присуща любой материальной реальности. Так вот, функциональность протяженных реальных вещей, именно как протяженных, есть пространство: *пространственность* [espacialidad]. Пространство основывается на протяженности. И эта функциональность зависит от других мет вещей; иначе говоря, именно вещи определяют структуру функциональности, то есть структуру пространства. На мой взгляд, такое определение совершается посредством движения: структура пространства оказывается геометрическим отпечатком движения. Естественно, я говорю не о геометрическом, а о физическом пространстве. Такая структура может быть самой разной: топологической, аффинной, метрической, причем внутри этой последней размещаются разные метрики: эвклидова и неэвклидовы. Последовательность, сосуществование, положение, протяженность и пространственность, и т. д. – все это типы функциональности. Я даже отдаленно не претендую на полноту перечисления: эти случаи я привел только в качестве примеров того, что такое функциональная зависимость.

Эта функциональность, как было сказано, составляет внутреннюю и формальную характеристику поля. Другими словами, не просто В, например, зависит от А, но существует также и прямо противоположная зависимость. В случае последовательности В, конечно, следует за А, то есть является консеквентом А; но А, в свою очередь, предшествует В, является антецедентом В. Стало быть, функциональность – не связь одних вещей с другими, а структурная характеристика самого поля именно как поля: одни вещи зависят от других потому, что все они включены в поле, которое внутренним и формальным образом функционально. Это значит, что всякая реальная вещь в силу присущего ей полевого момента есть функциональная реальность. Более того, функциональность является внутренней характеристикой поля потому, что она свойственна каждой реальной вещи в силу простого факта ее принадлежности к полю: каждая вещь определяет собой полевыми характеристиками, и поэтому определяет свою собственную функциональность. Сама реальность поля, именно как реальность, имеет функциональный характер. То, что каждая реальная вещь зависит от другой, объясняется собственной полевой реальностью обеих вещей, внутренним функциональным характером самого поля. Поле в самом себе, как таковом, есть поле функциональности. Только поэтому каждая из вещей может зависеть от других, или даже быть независимой от некоторых из других вещей: ведь независимость – тоже модус функциональности.

Повторяю: функциональность – это момент реальности всякой вещи в поле. Каждая вещь есть обращенность «к», трансцендентально открытая навстречу другим реальным вещам. Каждая вещь формально является реальной, потому что есть некое «само по себе». Стало быть, каждая реальная вещь «сама по себе» трансцендентально открыта, и эта открытость имеет функциональную формальную структуру. Функциональная актуализация в поле свойственна единству всех модусов почувствованной реальности, один из которых – модус обращенности «к». Полевое является функциональным в обращенности «к».

Отсюда проистекает сущностный характер функциональности. Она первичным образом затрагивает не содержание мет реального, а его собственную актуализацию как реального. Дело обстоит не так, как если бы, например, тело – именно как тело – имело функциональный характер, то есть зависело бы от другого тела или от некоего иного, отличного от него содержания. Пожалуй, такая зависимость всегда проблематична. Что не проблематично, так это тот факт, что тело, будучи реальным, находится в функциональной зависимости от другой реальности именно как реальности. Так что речь идет о *функциональном характере реального, поскольку оно реально*. Это сущностный момент. Мы тотчас перейдем к его рассмотрению.

Итак, эта функциональность есть то, что выражается союзом «*потому*». Все реальное, «*потому*» что оно реально в поле, является реальным функционально – «*потому*» что находится в зависимости от некоторой реальности. Это «*потому*» есть нечто почувствованное, а не конципированное. Человеческое чувство – умное чувство, которое коренится во впечатлении реальности и представляет собой нечто «физически» данное. Поэтому позднее постижение физически движется в этой физически данной реальности. Постигание не должно приходить к реальности, потому что оно уже формально в нее помещено. Так вот, поскольку эта реальность актуализируется в поле, принадлежность к полю есть момент впечатления реальности; и поэтому сама функциональность есть момент, данный во впечатлении реальности. Она дана как формальный момент впечатления. Стало быть, речь идет не об индуктивном выводе или чем-то подобном, а о том, что непосредственно и формально дано во впечатлении реальности.

Во-первых, функциональность не синонимична причинности. Причинность – лишь один из типов функциональности *среди прочих*. В классической философии причина есть нечто такое, из чего что-то производится посредством реального воздействия на бытие следствия. Стало быть, причинность не есть нечто данное. Мы никогда не воспринимаем производящего воздействия одной реальной вещи на другую. Поэтому, на мой взгляд, эксперименты (в остальном первоклассные), поставленные с целью исследовать предполагаемое непосредственное восприятие причинности, страдают радикальной неточностью. Перцепция никогда не воспринимает причинности, она всегда воспринимает функциональность: в поле реальности мы чувствуем реальность в ее функциональном моменте – как полевой момент впечатления реальности. Мы воспринимаем, что одна вещь реальна в зависимости от других: это функциональность, которая может обладать и обладает чрезвычайным многообразием. Причинность – лишь один из типов функциональности, причем в высшей степени проблематичный. Например, по линии производящей причинности внутри мира не существует никакого возможного опровержения метафизического окказионализма. Но оставим пока в стороне человеческие действия; я вернусь к ним в третьей части книги. Итак, «*потому*» функционально, но это не означает, что оно каузально. В отличие от причинности, это «*потому*» мы воспринимаем всегда.

Во-вторых, функциональность формально почувствована, то есть представляет собой нечто не просто достижимое, но физически достигнутое в чувствующем постижении, в трансцендентальной обращенности «к». Отсюда – неточность критики со стороны Юма. С точки зрения Юма, данностью является не причинность, а лишь последовательность. То, что причинность не есть данность, я сам только что сказал; но Юм не разглядел двух разных аспектов вопроса. Прежде всего, он не разглядел, что последовательность есть не что иное, как форма функциональности. Далее, последовательность – это не последовательность двух впечатлений, а одно и то же впечатление реальности, только последовательного характера. Это означает, что суть функциональности затрагивает не содержание впечатлений, а их формальность реальности. В примере Юма звон колокола просто следует за дерганьем веревки. Но дело обстоит не так, как если бы звон колокола, именно как звон, был функцией дерганья веревки именно как веревки. Дело обстоит так, что реальность звона, поскольку он реален, реальна в зависимости от реальности дерганья веревки, поскольку она есть реальность. И это – безупречная данность, хотя звон не есть функция дерганья. Функциональность есть функциональность реального, поскольку оно реально. В этом смысле понятие функциональности охватывает много возможных типов. Эта формальность, это «*потому*», как таковое, дано во впечатлении реальности. Критика Юма базируется всецело на содержании чувствования, но она прошла мимо формальности. Содержание всегда проблематично. Нет чувствования «и» постижения; есть только чувствующее постижение – постижение во впечатлении реального, поскольку оно реально.

В-третьих, заметим, что Юм предваряет «Критику» Канта. Так как причинность не есть данность, она оказывается у Канта априорным понятийным синтезом: синтетическим

суждением *a priori* как возможностью объективного познания. Так вот, это неприемлемо. Прежде всего, функциональность – не суждение: ни аналитическое (Лейбниц), ни синтетическое (Кант). Функциональность дана во впечатлении, но не в содержании впечатления, а в формальности его реальности, потому что она есть момент обращенности «к». А обращенность «к» – это не суждение. Как таковая, она представляет собой не *a priori* логического схватывания объектов, а данность во впечатлении реальности. Поэтому формальным объектом познания выступает не причинность, а функциональность. Наука, о которой нам говорит Кант (физика Ньютона), – это наука не о причинах, а о функциях реального, поскольку оно реально.

В итоге поле реальности обладает структурой, которую определяют два момента: момент «среди» и момент «потому». Всякая вещь реальна в поле среди других реальных вещей и в зависимости от них. Эти два момента взаимосвязаны. Функциональность, то есть «потому», имеет место в силу формы самого «среди». Форма пребывания «среди» функциональна.

Итак, мы представили в общих чертах структуру поля реальности. Во избежание ложных интерпретаций будет не лишним еще раз остановиться на понятии поля. Прежде всего, поле реальности есть момент, затрагивающий вещи, – но затрагивающий их в формальности инаковости. Иначе говоря, он затрагивает вещи как постигаемые. Поле является моментом этих реальных вещей не постольку, поскольку они реальны по ту сторону схватывания. Поле – это измерение реального, поскольку оно дано в самом схватывании. Но, с другой стороны, поле не зависит от чувствующего постижения как от моего акта; следовательно, оно не есть нечто такое, что принято называть субъективным. Поле есть измерение реального, данного в чувствующем постижении, но только в качестве актуализированного в нем. Это момент актуальности, не актности. Разумеется, актуальность дана только в схватывании, в чувствующем постижении; но это физический момент реального, которое схвачено в качестве реальности. Актуальность есть чистая актуальность, и поэтому она конституирует постижение. В качестве актуальности она всегда будет актуальностью самой реальности, и только ею. Поэтому поле, как измерение актуальности реального, есть момент не реального по ту сторону схватывания, но и не субъективный момент: это момент актуальности реального, поскольку оно реально в чувствующем постижении.

Таким образом, поле определяется в каждой реальной вещи и каждой реальной вещью. В позднейшем постижении мы схватываем в поле то, чем являются в реальности вещи, уже схваченные в качестве реальных. Речь идет о модальном постижении их первичного схватывания. Что это за постижение? Об этом – следующая глава.

Глава третья

Реальное в полевом постижении: чувствующий логос

В первичном схватывании мы схватываем всякую реальную вещь в двух ее измерениях: индивидуальном и полевом. Но постигать нечто полевое не значит обязательно постигать это нечто полевым способом. Полевой характер принадлежит метам реальной вещи; поле есть измерение этих мет. Но постигать что-либо полевым способом есть нечто иное: это значит постигать реальную вещь постольку, поскольку она включена в поле, которое прежде того сама же и детерминировала своими метами. Это значит не постигать полевую вещь, а постигать вещь «в» поле.

Постижение реальной вещи в поле реальности есть, как мы уже сказали, позднейшее постижение, модализация первичного постижения чего-либо реального. Разумеется, такая модализация может быть не только полевой; любое постижение реальной вещи подвергается и другой модализации: мыслится как момент мира. В обоих случаях мы не только постигаем нечто как «реальное», но и постигаем то, что это реальное есть «в реальности». Но в полевом постижении мы постигаем то, что некоторая вещь есть в реальности, если взять ее в соответствии другим реальным вещам – почувствованным или могущим быть почувствованными; тогда как в мирском постижении мы постигаем, что некоторая вещь в реальности есть в мире. В этой, второй, части книги я буду говорить только о том, что некоторая вещь представляет собой в реальности, будучи взята в ее соответствии другим полевым вещам.

Чтобы понять, что представляет собой это постижение, мы должны рассмотреть две большие проблемы: 1) в чем состоит полевое постижение как таковое; 2) какова базовая структура этого постижения.

§ 1. Полевое постижение как таковое

В полевом постижении имеются разные аспекты и моменты. Чтобы охватить их все в одном именовании, я буду употреблять уже ставший классическим термин логос.

Это слово имеет в греческом языке множество значений, но я здесь буду употреблять его только в том смысле, в котором логос означает «заявлять нечто в отношении чего-то». Так вот, на мой взгляд, этот логос не был концептуализирован греками с исчерпывающей полнотой. Поэтому я должен сформулировать с достаточной степенью строгости, что именно я понимаю под логосом.

1) «Логос» происходит от слова λέγειν, означающего «соединять», «собирать». Этот смысл еще сохраняется в таких словах, как «антология». В занимающем нас вопросе греки укореняли свою идею λέγειν в этой идее собирания. На мой взгляд, этого недостаточно. Несомненно, λέγειν означает «соединять», «собирать». Но собирать что? Надо, наконец, это сказать. Греки не задерживались на этом пункте. Так вот, соединяется и собирается то, что пребывает в поле реальности. Таким образом, прежде чем обозначать само собирание, λέγειν должно послужить обозначением акта «полевого» собирания: это – *полевое* λέγειν. Итак, не останавливаясь на собирании, нужно идти к полевому характеру λέγειν.

2) От λέγειν греки произвели слово и саму идею логоса. Отправляясь от смысла собирания, λέγειν стало означать перечисление, счет, и т. д. Отсюда λέγειν приобрело значение «говорить»: именно это выражает слово λογος. Логос имеет два значения: «говорить» (λέγον) и «сказанное» (λεγόμενον). Греки укореняли свою мысль в самом высказываемом. Когда высказываемое представляло собой высказывание того, что есть вещь, греки говорили о логосе в смысле антономасии: о высказываемом логосе (λογος αλοφαντικής). Этот высказывающий

логос состоит в том, чтобы «высказать нечто о чем-то» (λέγειν τι κατὰ τίνοϛ). Логос всегда заключает в себе двойственность этих «нечто». Греки, однако, не задерживались на первом «нечто»; они думали, что высказываемое может само по себе быть просто идеей. Но я считаю это неприемлемым, потому что так называемые идеи всегда имеют начало в вещах. Поэтому высказать, что есть нечто, возможно только исходя из другой вещи поля. То, что некоторая вещь есть в реальности, можно понять, только соотнеся ее с другой полевой вещью. Вот почему логос, прежде чем быть высказыванием, есть постижение одной полевой вещи из другой. А это значит, что сам логос есть модус постижения и, как следствие, не может быть структурой, имеющей свое основание в себе самой. Греки всегда проявляли тенденцию к противоположному – тенденцию к тому, что я назвал *логизацией постижения*. Уже в самом начале философии, у Парменида, становится все более ощутимым присутствие φράζειν, «выражения»: тенденция, достигающая кульминации в «суждении посредством логоса», κρίνειν λοῶ. И это был не просто речевой оборот; доказательством тому служит тот факт, что ученик Парменида Зенон предстает у Платона теоретиком диалектического спора. Более того, богословские концепции приписывали логос, в философском смысле суждения, самому Богу. Но это невозможно. Интеллект – не логос, логос – это человеческий способ умопостижения. Бог имеет интеллект, но не имеет логоса. Нельзя *логизировать умное постижение*, но можно и нужно *интеллектуализировать логос*.

3) Для греков логос был проблемой первой величины. Но они, сообразно своему пониманию этой проблемы, всегда усматривали в логосе высшую форму νοῦς'а, ума, то есть νοῦς выраженный или могущий быть выраженным. Со времен Парменида только такое логическое мышление считалось мышлением в строгом смысле; все остальное было всего лишь δόξα, мнением. Что бы ни понимал под δόξα сам Парменид, Платон и Аристотель, несомненно, считали, что δόξα есть αἰσθησις, чувство. Парменид, который, таким образом, помещает себя в νοῦς, говорит нам, что мыслить нечто тождественно (ταυτον) тому, чтобы мыслить, что нечто «есть»: мыслимое есть δὺ, сущее. Логизация постижения повлекла за собой онтизацию реальности. А так как логос всегда заключает в себе некоторую двойственность, Парменид упорно настаивает на том, что δὺ, сущее, есть εἷν, единое.

Грекам все это представлялось очевидным; свидетельство тому – форма, в которой Платон и Аристотель спорили с Парменидом. Платона тождество мыслимого и сущего приводит к проблеме отрицания, когда говорится, что нечто «не есть». «Отцеубийство», которое Платон, как ему кажется, совершает по отношению к Пармениду, в действительности оказывается актом высшей верности: мыслить, что нечто «не есть», всегда означает мыслить, что то, что «не есть», «есть». Речь идет о той платоновской идее, что небытие есть. Аристотель подходит к проблеме Парменида не со стороны этого тождества λεγόμενον [сказанного-мыслимого] и δὺ, а со стороны предполагаемого единства самого сущего. С точки зрения Аристотеля, о «сущем» говорится многими способами: это не разрушает единства сущего, но наделяет его разными модусами единства. Логос есть собирательное «единое», обладающее разными модусами единства.

В конечном счете, радикальная проблема логоса рассматривалась в формальном плане сущего и единого, то есть в плане высказываемого. Тогда как, с моей точки зрения, следовало бы вести дискуссию не в этом формальном плане, а спуститься на более фундаментальный уровень.

Прежде всего: истинно ли, что логос формально совпадает с «есть» (включая само «не есть»)? Истинно то, что греки так и не сказали нам, в чем формально состоит умное постижение. Зато они всегда верили в то, что постижение, а значит, и логос – это всегда постижение «есть». Так вот, на мой взгляд, формальный акт постижения состоит не в том, чтобы мыслить некое «есть», а в том, чтобы схватывать реальность; формальный термин постижения

– не бытие, а реальность. Я уже подробно говорил об этом в первой части книги. Поэтому постигнутое, вещь, формально не есть сущее. Нельзя *онтизировать реальность*, но можно и нужно *овеществлять бытие*. Тогда постижение оказывается чем-то предшествующим всякому логосу, ибо для того, чтобы реальное могло быть выражено, оно уже должно быть предложено логосу. Вот почему постигать формально не означает судить, не означает говорить, что реальное «есть». Нельзя *логизировать постижение*, но прямо наоборот: можно и нужно *интелигизировать логос*, – иначе говоря, мыслить логос как модус, как модальность постижения, то есть схватывания реального как реального.

Онтизация реальности и логизация постижения: вот две фундаментальные предпосылки греческой философии. Я же, со своей стороны, полагаю, что нужно овеществить бытие и интелигизировать логос. Так перед нами открывается фундаментальный план логоса. Какова природа этого плана?

Греки всегда противопоставляли ум ($\nu\omicron\upsilon\varsigma$) и чувствование ($\alpha\iota\sigma\theta\eta\sigma\iota\varsigma$). Чем бы ни была $\delta\acute{o}\xi\alpha$ для Парменида, не подлежит сомнению, что греческая философия всегда связывала мнение с чувствованием. Но что такое чувствование? Это, разумеется, предъявленность чего-либо, что в той или другой форме обладает моментом реальности. Но если это так, то в человеке не может быть структурного противопоставления чувственности умному постижению. Коль скоро постигать означает схватывать реальное, оказывается, что если реальное уже предъявлено чувствами и в чувствах, то само постижение уже имеет радикально чувствующий характер. Таким образом, между постижением и чувствованием существует отношение не противостояния, а структурного единства; постижение и чувствование – не более чем два момента единого акта: акта схватывания реальности во впечатлении. *Чувствующее постижение* есть то, актом чего является впечатление реальности. Логос есть модализация этого впечатления реальности. Логос – это не постижение бытия, а постижение реальности, почувствованной во впечатлении; «есть» в логосе – всего лишь человеческий способ выразить впечатление реальности. Поэтому в конечном счете логос внутренне и формально представляет собой модус чувствующего постижения: это – *чувствующий логос*. Что это означает в более конкретном смысле? На этих страницах мы будем подробно об этом говорить; но чтобы читателю было легче ориентироваться, заранее сформулируем некоторые идеи.

Прежде всего, речь идет не только о том, что логос опирается на впечатление реальности: это был бы всего лишь *чувственный логос*. Речь идет о том, что само впечатление реальности испытывает нужду в логосе, и эта нужда есть то, что сообщает логосу чувствующий характер. В самом деле, логос высказывает нам то, что нечто есть в реальности, и различие между «реальным» и «в реальности» определяется самим впечатлением реальности, взятым в его полевом моменте.

Речь также не о том, что постигаемое в логосе почувствовано так же, как цвет или звук: я могу постигать в логосе, например, иррациональные числа. Дело, однако, в том, что и цвет, и иррациональное число принадлежат к содержанию постигаемого, тогда как само постижение, в его чувствующем модусе, относится не к содержанию, а к способу, каким это содержание пребывает в схватывании. Рассмотрим это более подробно. Иррациональное число схватывается не так, как цвет, но в той же самой формальности реальности, в том же впечатлении реальности, что и цвет. Иррациональное число – не то же самое, что цвет, но оно реально в той же формальности реальности, в какой реален цвет. В обоих случаях мы имеем дело с численно той же самой формальностью реальности. Логос является чувствующим не в силу характера, присущего постигаемому, а в силу способа постижения: он представляет собой постижение внутри формальности почувствованной реальности.

Какова чувствующая структура этого логоса?

Во-первых, логос как способ постижения есть позднейший модус чистой актуализации реального. Этот модус представляет собой полевую «ре-актуализацию» того, что уже акту-

ализировано в первичном схватывании реальности. За любым актом логоса стоит полевая реактуализация реального. Именно это делает логос модусом постижения, модусом актуализации реального. Здесь логос понимается, исходя из постижения: совершается интеллигизация логоса.

Во-вторых, такая актуализация диктуется впечатлением реальности: именно она приводит нас от того, что уже реально, к тому, что это реальное есть в реальности. Постигнутое в логосе – это реальное в его полевым моменте, потому что всякое впечатление реальности имеет *полевой* характер. Тем не менее, схваченное таким образом реальное не обязательно почувствовано *полевым способом*. В самом деле, всякое впечатление реальности имеет полевой характер, заключает в себе момент трансцендентальной открытости другим почувствованным вещам. Таким образом, почувствованное реальное обладает формальностью реальности в двух моментах: моменте, так сказать, индивидуальном и моменте полевым. Но схватывать реальное полевым способом означает нечто иное: это означает не схватывать тот факт, что индивидуальная реальность открывает детерминированное ею поле, но схватывать индивидуальную реальность со стороны самого поля реальности. И это не обязательно происходит всегда: не обязательно, чтобы индивидуальная формальность схватывалась полевым способом. Напротив, схватывание индивидуальности полевым способом, то есть со стороны поля, есть обязательный модус чувствования. И в этом модусе чувствования я чувствую не только то, что схваченное реально, но и то, что схваченное есть в реальности. Так вот, схватывание того, чем нечто является в реальности, и есть логос. Поэтому логос есть полевой способ чувствования реальности, и наоборот: чувствование реальности полевым способом уже представляет собой некий начинательный логос. Таким образом, логос есть модус чувствования, а чувствование есть, начинательно, модус логоса: *чувствующий логос*. Это способ чувствовать реальность как реальность в поле, то есть способ постигать реальное со стороны поля почувствованной реальности.

В-третьих, впечатление реальности «влечет» нас в чувствовании к логосу. Поэтому чувствование полевым способом формально есть движение. Это не то движение, которое ведет от одного постижения к другому; но само движение есть то, в чем формально реактуализируется реальное. Что представляет собой это движение? Это не просто интенциональность, не просто направленность к одному термину от другого. За *интенцией* [intencion] стоит нечто более радикальное: *внимание* [atencion]. Внимание – не просто психический феномен, но момент постижения в собственном смысле. Но и это не самое радикальное. Действительно, внимание *привлекается* от одного термина к другому; то, что нас аттенционально влечет, в силу этого предшествует самому вниманию. И это самое, что нас аттенционально влечет, есть именно движение, в коем формально состоит логос: только потому, что мы движемся, мы обращаем внимание на различие терминов, и только обращая внимание на различие терминов, мы имеем также различие интенций. Так вот, это движение есть в строгом и формальном смысле движение чувствующее. Чтобы воспринять нечто реальное со стороны поля, мы должны, внутри самого поля, дистанцироваться от этой реальной вещи. Речь идет не о пространственном дистанцировании, а о дистанцировании в области реальности – но реальности, почувствованной как формальность. Таким образом, речь идет о чувствующем дистанцировании: оно имеет своим структурным основанием момент обращенности «к», присущий самому постижению. Поэтому речь идет о дистанцировании в чувствующем постижении. И когда вещь схватывается таким образом, в дистанцировании, мы в полевым чувствовании обращаемся от поля «к» этой вещи и утверждаем то, что она есть в реальности. Утверждение – это обращение к реальному, совершаемое в чувствующем постижении. Дистанцирование – это дистанцирование в чувствующем постижении, а обращение к вещи в чувствующем постижении есть сама сущность утверждения, то есть логос: чувствующее постижение в дистанции внутри поля. Динамизм, которым

формально конституируется логос, есть умное движение, которое дистанцируется в почувствованном поле реальности.

Реактуализация реального, совершаемая полевым способом в движении: вот чем по своей сущности является логос, точнее, чувствующий логос. Интеллект, который не был бы чувствующим, не мог бы иметь никакого логоса и не нуждался бы в нем. Стало быть, перед лицом классической философии логос надлежит считать формально и конститутивно чувствующим логосом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.